

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА

СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

В СЕТЯХ АФЕРЫ

**ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ**

Седьмая линия

Анастасия Валеева

В сетях аферы

«Научная книга»

Валеева А.

В сетях аферы / А. Валеева — «Научная книга», — (Седьмая линия)

Только детектив-экстрасенс Яна Милославская сможет распутать сложное дело о похищении и убийстве. Полиция бессильна, ведь у выжившей после кошмарных событий жертвы – шок и амнезия. Но Яна смело берется за дело, и ведет свое расследование с риском для жизни.

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анастасия Валеева В сетях аферы

Яна Борисовна Милославская наливала в чашку дымящийся кофе, только что сваренный ею. Серебряная джезва поблескивала, отражая назойливые утренние лучи. Яна проснулась совсем недавно, сегодня она позволила себе проваляться в постели дольше обычного, так как никаких важных дел сегодня у нее не предвиделось и можно было, наконец-то, как следует расслабиться.

Женщина поднесла к губам миниатюрную перламутровую чашечку, предвкушая, каким необыкновенным вкусом ей вскоре предстоит насладиться. Вдруг, совершенно неожиданно, во дворе раздался оглушительный собачий лай, разрывающий утреннюю тишину. Яна вздрогнула и нечаянно пролила на ставший любимым розовенький махровый халатик густо-коричневую массу.

– Джемма! – взволнованно закричала Милославская, выглядывая в маленькую оконную форточку. – А ну-ка, перестань! Что случилось?

Однако собака не торопилась униматься, так как чувствовала, что пожаловали чужие, к которым она относилась весьма скептически. Джемма была чистопородной полуторогодовалой среднеазиатской овчаркой, некогда привезенной для Яны из Туркмении. Хозяйка и питомца души друг в друге не чаяли, и последняя выражала свою любовь постоянной готовностью защиты Милославской от недоброжелателей. Джемма, будучи очень крупной, вполне могла справиться со взрослым человеком, что неоднократно уже происходило.

В конце концов раздосадованной хозяйке пришлось выйти во двор и, придерживая овчарку за ошейник, направиться в калитку, щекоткой которой кто-то начал настойчиво наступивать. Как оказалось, собака нервничала не зря.

Яна Борисовна жила в частном секторе района, называемого Агафоновкой. Сюда она перебралась не так давно, приобретя дом у двух старушек. Этот жизненный шаг был продиктован трагической гибелью ее мужа и сына. Несколько лет назад Милославские, ничего не подозревая, спешили по неширокой загородной трассе на своей «шестерке», как вдруг, не по их вине, произошло столкновение с огромным КамАЗом, для которого «Жигули» – всего лишь букашка. Яна осталась жива, но она вряд ли была рада этому. Остаться одинокой, потеряв самых близких людей на свете – самое огромное несчастье на свете. Хотя с того дня минуло уже несколько лет, и женщина успела свыкнуться с новой жизнью, трагедия продолжала преследовать ее не только в реальных воспоминаниях, но и зачастую в сновидениях, особенно в полнолуние. Милославская сменила место жительства, пытаясь начать жизнь с чистого лица, и вот оказалась здесь, в Агафоновке.

– Кто там? – по привычке спросила Яна, отодвигая железный засов.

– Здесь проживает экстрасенс Яна Борисовна Милославская? – послышался надрывный женский голос, в котором чувствовалось чрезвычайное беспокойство. – Мы хотели бы воспользоваться вашими услугами. Пожалуйста, нам очень нужна помощь, – едва не плача, завершила незнакомка.

Яна с первых же ее слов поняла, что это очередная клиентка. Запланированный отдых, кажется, отменялся. Это, конечно, являло собой мало приятного, однако, Милославская недавно совершила небольшой шопинг, в результате чего «села на мель». А, как говорится, кушать хочется всегда, поэтому пришлось впустить клиентку и по меньшей мере выслушать ее.

– Добрый день, – учтиво произнесла Яна, непроизвольно окинув гостью оценивающим взглядом, – я Милославская. В чем дело?

– Нам нужно поговорить. Я могу пройти? Боюсь, разговор коротким не получится, – женщина умоляюще посмотрела на Яну.

– Да-да, конечно, – тяжело вздохнув ответила Милославская.

Джемма все это время любопытно поглядывала на визитершу, пытаясь понять, о чем же идет речь. Угадав доброжелательный настрой гостыи, она успокоилась и отошла в сторону.

Женщины молча прошли в дом.

– Да, извините, – взволнованно произнесла вдруг гостыя, – я, кажется, забыла представиться. Меня зовут Наталья Евгеньевна Вершинина.

– Очень приятно, – Яна учтиво улыбнулась, – пройдемте в кабинет.

Наталья Евгеньевна послушно засеменила на хозяйкой. Войдя в кабинет, она присела на краешек дивана, обитого шикарным зеленым бархатом и стала оглядываться про сторонам. Даже в критический момент своей жизни женщина оставалась женщиной, поэтому ее не представляли интересовать бытовые мелочи, любопытные для любой дамы. А в кабинете Милославской, действительно, было, чем полюбоваться. Сразу привлекал внимание изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса, старинное кресло со спинкой из темной бронзы, оригинальная статуэтка египетской кошки и многие другие вещи, которые Наталья Евгеньевна просто не успела разглядеть, поскольку Яна обратилась к ней с вопросом:

– Может быть кофе? Я, честно говоря, еще не завтракала.

– Нет-нет, спасибо, – торопливо заговорила гостыя, – извините, что помешала вам своим визитом. Завтракайте пожалуйста, я подожду.

– Хорошо, – кивнула Яна, – если вы не против, я принесу кофе сюда, вы будете говорить, а я – внимательно слушать. За кофе мне легче думается.

– Конечно-конечно. Как вам будет угодно.

Милославская отправилась на кухню, а Наталья Евгеньевна нервно теребила в руках носовой платочек и обдумывала в сотый раз, с чего начать разговор и чем его закончить. Она до смерти боялась, что Яна Борисовна ей откажет, так как все традиционные инстанции ею уже были пройдены, и Милославская являлась последней надеждой.

Для самой Яны подобные ситуации стали слишком знакомыми, можно сказать, банальными. К ней всегда приходили люди, потерявшие надежду найти помощь в лице милиции, обычных частных детективов и так далее. А она, экстрасенс, если соглашалась взяться за дело, то заканчивала его весьма успешно и, главное, быстро.

Методы, а вернее, метод, ведения дел, у Милославской был один – гадание на картах. Многие, услышав об этом, недоверчиво морщились, ассоциируя деятельность гадалки с проделками цыганок-мошенниц и полагая, что в ход пойдут такие понятия, как дальняя дорога, бубновый король, дама сердца и так далее. Однако, они и представить не могли, насколько были далеки от истины.

Карты Яны Борисовны представляли собой картонные прямоугольники, размером с обычные картонные игральные карты. Их Милославская изготовила сама, следуя таинственному внутреннему зову. Черной тушью она изобразила на картах магические символы, под каждым из которых скрывалось определенное содержание. Так на карте, называемой «Взгляд сквозь оболочку», был изображен человеческий глаз, отражающий в своем зрачке загадочный предмет. «Взгляд сквозь оболочку» помогал определить настроение человека и его стремления в данный момент или проявлял качества, близкие к названным.

С тех пор, как Яна обнаружила в себе таинственный дар гадания, оно стало ее основным занятием, так как каждый сеанс отнимал много сил и энергии, а каждое расследование в целом – много времени. Поэтому совмещение работы экстрасенса с какой-либо другой деятельностью не представлялось возможным.

Дар же Милославской обнаружился не так давно, после ее клинической смерти. В этом состоянии она оказалась после той самой аварии, унесшей жизни ее мужа и сына. Наверное, дар был дан Яне свыше взамен огромной потери, и предназначением его являлось оказание помощи людям. Все свое время Милославская тратила на решение проблем других, это, наверное, и помогало ей, оставшись одинокой, держаться на плаву.

– Скучаете? – улыбнувшись, проговорила Яна, заходя в кабинет с чашечкой кофе.

Наталья Евгеньевна только улыбнулась в ответ, хотя глаза ее были полны неизъяснимой тоски и какой-то подавляющей горести.

– Вы курите? – обратилась Милославская к гостье.

– Нет.

Яна достала сигарету и, закурив, вновь заговорила с Натальей Евгеньевной:

– Я вас слушаю. С чем пожаловали?

– Не знаю, с чего и начать, – вздохнув, протянула Вершинина, хотя много раз прокручивала в голове возможные варианты предстоящего разговора. – В общем, у меня есть дочь, единственная дочь... – в глазах Натальи Евгеньевны показались слезы.

– Успокойтесь, – Милославская сделала глоток кофе, – я готова вас выслушать, не переживайте так, мы сумеем предотвратить несчастье, которое ей грозит.

– К несчастью, – Вершинина саркастически ухмыльнулась, – с этим мы уже опоздали.

Милославская несколько виновато кашлянула, поняв, что Наталья Евгеньевна сейчас – просто комок нервов, и говорить с ней надо как можно мягче. Уж Милославская-то непонаслышке знала, что значит боль, причиненная единственному ребенку.

– Понимаю, – тихо проговорила Яна, – чем же я могу вам помочь?

– Валерию нужно вернуть к нормальной жизни, помочь ей стать прежней!

– А... – осторожно начала Милославская, – что, собственно, произошло?

– Произошла трагедия, – дрожащим голосом ответила Вершинина, – преступление, страшное преступление, а совершивший его остался безнаказанным! Моя дочь, чудом оставшаяся в живых, не может давать показания...

– Но почему? Бойтся?

– Нет... Она ничего не помнит.

– Ка-ак?

– Она пережила такой шок, что напрочь забыла все, что было связано с этой чудовищной трагедией. Как будто кто-то вычеркнул ее из памяти, оставив в душе кровоточащий след.

– Она что, и вас тоже не помнит? – ошарашенно протянула Милославская.

– Да нет же! Валерия не может рассказать ничего, что предшествовало убийству ее подруги. С чего все началось, как развивались события, кто вообще те изверги!

– Убийство? Нет, вы меня окончательно запутали, – Яна встала и стала прохаживаться по комнате, – давайте лучше рассказывайте все по порядку.

Вершинина на минуту закрыла лицо руками, наверное, пытаясь набраться сил внятно рассказать о том, что причиняло ей такую боль. Затем она глубоко вздохнула и, откинувшись на спинку дивана, поведала Милославской поистине шокирующую историю.

* * *

Дочь Натальи Евгеньевны, Валерия, на днях была обнаружена ремонтниками дороги достаточно далеко от города. Девушка брела навстречу мужчинам по обочине шоссе, страдальчески сложив на груди руки. Она приближалась молча, но ее заметили издали, поскольку выглядела Валерия ужасающе: разорванная в клочья одежда, растрепанные волосы, отсутствие обуви, и, главное, – она была вся в земле, даже в волосах запутались влажные комья. Ремонтники разом оставили работу и стали смотреть на приближающуюся девушку.

Когда Валерия подошла ближе, ремонтники увидели ее лицо, исполненное ужаса. Из широко раскрытых глаз девушки смотрел страх, дикий страх. Наконец, один из мужчин, опомнившись, спросил:

– Что произошло? Что с вами?

– Перебрала малость! – воскликнул один из присутствующих и зашелся идиотским смехом.

Однако, неловкого шутника никто не поддержал, поскольку все чувствовали и понимали – произошло что-то ужасное, непоправимое. Молоденький работяга сделал шаг навстречу Валерии, но она, наверное, испугавшись только что раздавшегося издевательского смеха, резко отпрянула назад, издав еле слышный стон.

Тут все всерьез насторожились, и кто-то даже присвистнул.

– Спокойно, – продолжал приближаться к Валерии парень, – я не причиню вам зла, я хочу помочь.

Девушка недоверчиво подняла на него глаза и стала указывать рукой куда-то в сторону лесной полосы.

– Там... – еле слышно шептала она измученным голосом. – Там... Ирина... Идемте...

В этот момент все поняли, что шутки здесь, действительно, неуместны.

– Мужики, идемте, – хрипло проговорил самый старший и стал спускаться с обочины дороги вниз, туда, куда указывала девушка.

Несколько человек остались, а остальные поступили так же, как и старший. Спустилась с обочины и Валерия. Она молча повела мужчин за собой. То, что открылось их взорам через некоторое время, испугало даже видавших виды. На маленькой лужайке, окруженной со всех сторон деревьями, находилась свежая могила. Правда, то, что это была могила, присутствующие поняли несколько позже. Поначалу они восприняли представшее их взорам как обыкновенную свежерырытую яму, но, присмотревшись, обнаружили очертания тела, местами выглядывающего из-под земли. Ветер еще даже не успел подсушить землю, раскиданную рядом.

– Ирина... – указывая на могилу, с ужасом в голосе произнесла Валерия.

Мужчины, разом смекнув, в чем тут дело, сразу же стали предпринимать решительные действия. Двое из них кинулись назад, на дорогу, чтобы доехать до ближайшего населенного пункта и вызвать милицию. Вскоре один из них вернулся с лопатой и предложил раскопать могилу, надеясь увидеть живой и вторую жертву, которую Валерия называла Ириной. Мнения здесь разошлись. Кто-то кричал, что надо дожидаться милицию и оставить все, как есть, кто-то утверждал обратное.

– Что произошло? Кто это сделал? – стали они хором обращаться к Валерии, но она только с ужасом пожимала плечами и молчала.

* * *

Милославская до этого момента сосредоточенно слушала гостью, но теперь вынуждена была прервать ее, потому что походу разговора у нее возникали вопросы и их накопилось так много, что она боялась окончательно запутаться.

– Подождите-подождите, я не могу понять, что же все-таки произошло с вашей-то дочерью? – взволнованно заговорила Яна.

– Точно этого мы сами до сих пор не знаем, – вытирая слезы, произнесла Наталья Евгеньевна. Я же говорю, Валерочка ничего не помнит. Она пережила невероятный шок! Это просто чудовищно! У меня нет слов! Как установила приехавшая милиция, Валерия тоже была погребена.

– Заживо? – ахнула Милославская.

– Нет, преступники не собирались оставлять ее в живых. Но они просчитались. Выстрел, к счастью, закончился только ранением. Придя в себя, девочка под необъяснимым воздействием шока обнаружила нечеловеческие силы и выбралась из-под земли. Благо, яма не была глубокой. А вот Ирина... Увы, ее участь еще более печальна.

– Кто такая Ирина?

– Подруга Леры. Самая близкая. Нет, вы себе представляете? – вдруг громче и взволнованнее обычного заговорила Наталья Евгеньевна. – Представляете? Очнуться под землей, лежащей на окровавленном трупе?

– Представляю, успокойтесь, – Милославская поднялась с кресла, достала из тумбочки упаковку валерианки и протянула ее Вершининой.

– Так вот, – продолжала Наталья Евгеньевна, проглотив разом три таблетки, – две беззащитные девушки каким-то образом оказались в лесу один на один с настоящим извергом или извергами. Закончилось все это, как вам уже известно, трагически. И в этом уравнении больше неизвестных, чем хотелось бы. Мы наслышаны о тех поистине чудодейственных результатах ваших гаданий, которые многим помогли. Надеемся, что поможете вы и нам.

– А милиция? Что, больше нет никаких шансов?

– Если бы Лера вспомнила все, то они бы, безусловно, были. А так... И зацепиться-то не за что. Может быть, вы посредством гаданий поможете девочке восстановить в сознании события и тогда легче будет вычислить преступника, который до сих пор разгуливает на свободе абсолютно безнаказанный.

– Знаете ли... – задумчиво протянула Яна. – Это несколько не мой стиль. Вы, наверное, имеете в виду те сеансы, когда под воздействием гипноза человек заново переживает те события, о которых забыл или которые требуется вспомнить более обстоятельно? Простите, но я этим не занимаюсь.

– Нет-нет, – поспешила возразить Вершинина, – я совсем не то имела в виду. Мы уже прошли таких психологов или, как их там, психотерапевтов. Результата нет. Ничего не помогает! А вот на ваш метод есть надежда. По крайней мере, если сама Валерия все не сможет вспомнить, то ваши видения все равно помогут раскрыть преступление! Поверьте, мы не ждем от вас того, что вы сделать не в силах или что не в ваших принципах.

– М-да... – прикуривая, протянула Яна. – Как сейчас ваша девочка?

– Как вам сказать? Как может себя чувствовать человек после таких событий? Лучше, конечно, чем сначала, но, тем не менее, теперь это совершенно другой человек. Молчит все время, плачет. Ее как там нашли, в больницу сразу отправили. Травма – то была и психическая, и огнестрельное ранение. Лера поначалу и не говорила совсем. Психологи помогли немного.

– А вам не кажется, что для нее гораздо лучше не помнить всех деталей произошедшего? – глядя Вершининой прямо в глаза, выпалила Яна.

Наталья Евгеньевна не сразу нашлась, что ответить, но по-видимому, она все-таки уже думала об этом.

– Все детали, на самом деле, может быть, и ни к чему... Но мы должны знать, в чем вообще причина произошедшего! Ведь все под покровом тайны. А если случится еще что-то более страшное, пусть не с Лерой, а с другими? Преступник свободен, и он чрезвычайно опасен! Поэтому... я вас очень прошу...

– Я вам помогу! – перебила Милославская гостью. – Теперь давайте поговорим по существу, о фактах. Что вообще известно? Милиция, наверное, давно опросила соседей, друзей, близких, знакомых и так далее?

– Опросить-то опросила. Только вот толку от этого... Никто ничего существенного не сказал. Известно только, что девочки, Валерия и Ирина Черненко, в тот вечер отправились в библиотеку, взять материал для написания реферата.

– Стоп. Откуда это известно? – вновь прервала собеседницу Яна.

– От соседки, Надежды Петровны. Валерия ей заносила ключи от квартиры и сказала об этом. Надежда Петровна, знаете ли, пенсионерка, никуда не ходит, мы ей ключи оставляем. Кошечку там покормит, когда целый день нет никого, да и ключа у нас два, а в семье – трое. Дубликат никак не сделаем.

– Та-ак. А что за реферат? Что за библиотека?

– Валерия и Ирина – студентки университета. Недавно ими стали. Библиотека – Научка, так они ее называют. Но на самом деле, они или не дошли до библиотеки, или просто направлялись не туда. Милиция выяснила у библиотекарей, что девочки в этот день за книгами не обращались.

– А Надежда Петровна ничего необычного в поведении девушек не заметила?

– Да нет. Говорит, такие же, как всегда. Веселые были, разговорчивые.

– Угу, – произнесла Яна, делая про себя какие-то выводы, – ну, что ж, – заключила она через некоторое время, – сейчас нам лучше всего расстаться. Я должна все как следует обдумать и приниматься за работу.

– Так вы беретесь за работу? – неуверенно спросила Вершинина.

– Да, я же сказала.

– Сколько это нам будет стоить?

– Давайте поговорим об этом позже. Я еще плохо себе представляю, какую работу придется проделывать. Дайте день-два... Но не переживайте, я не беру с людей больше, чем они в силах дать. Помните же и о том, что я тоже на что-то должна существовать.

– Да-да, конечно, – кивнула Вершинина.

Милославская проводила гостью до калитки, обещая связаться сразу же, как только у нее появятся какие-либо сведения. Яне, на самом деле, прежде, чем браться за гадание, нужно было остаться одной и как следует все обдумать. Тогда информация разместилась бы по полочкам, сами собой сформулировались бы какие-то цели, которые пока еще отсутствовали.

На данный момент она представляла себе произошедшие с Валерией Вершининой события неким преступлением, ставшим в последнее время, к несчастью, банальным. Молоденькие девушки приглянулись парням или взрослым мужчинам, которые их либо уговорили идти с ними, либо силой заставили, закончилось знакомство, как известно, весьма печально. Конечно, чтобы утверждать справедливость или, наоборот, ошибочность этого предположения, предстояло проделать еще много работы, но прежде всего не помешало бы выяснить, что вообще из себя представляли Валерия и ее подруга. Спрашивать об этом у Натальи Евгеньевны было бы глупо, поскольку трудно на земле найти такого родителя, который бы мог дать своему ребенку объективную оценку, тем более после такой трагедии, какая произошла с Лерой. «Хорошая, воспитанная, порядочная, добрая,» – вот набор тех качеств, о которых вероятно пришлось бы в таком случае услышать. Поэтому Яна стала раздумывать о возможном источнике информации.

По словам Натальи Евгеньевны, Валерия – студентка университета. Из этого можно сделать вывод, что основной круг знакомств, основное времяпрепровождение девушки было связано именно с этим учреждением. Но Яне также было известно, что студенткой Вершинина стала недавно. Поэтому вряд ли среди однокурсников можно было бы найти человека, способного дать Валерии исчерпывающую характеристику. А характеристика Милославской требовалась именно исчерпывающая, имеющая под собой неоспоримые доказательства, факты, проверенные временем. Вследствие этого вариант посещения ВУЗа отпадал, по крайней мере, пока.

Милославской вскоре пришла мысль, что неплохо было бы посетить школу, в которой учились некогда девушки. Студентками они стали совсем недавно, скорее всего, обучались на первом или, максимум, на втором курсе, поэтому в школе их должны помнить еще достаточно хорошо и знать гораздо больше, чем в институте.

Ведь сколько событий происходит в жизни человека за десять лет, сколько трагедий, радостных потрясений он успевает пережить, в скольких затруднительных ситуациях оказыва-

ется, сколько конфликтов разрешает! Десять лет – немаленький период человеческой жизни, так как не всякий доживает и до семидесяти лет. Важно здесь и то, что именно в школьном возрасте происходит формирование характера человека, и это позволяет увидеть те его стороны, которые в будущем, возможно, спрячутся где-нибудь в глубинах души. А главное – трудно скрыть что-либо в своем характере, от людей, знающих педагогику и психологию по роду своей профессии.

Перебрав все плюсы и минусы возможных предстоящих шагов, Яна остановилась на последнем и решила, не откладывая визит на потом, сразу же посетить школу, где некогда Валерия была ученицей. В разговоре Наталья Евгеньевна как-то вскользь обмолвилась о местонахождении школы, поэтому гадалке не пришлось ничего выяснять по этому поводу. Данный район она знала достаточно хорошо, и четко себе представляла, куда ей предстоит направиться.

Разговор с матерью пострадавшей оставил в душе Милославской какой-то тяжелый, необыкновенно неприятный след, поэтому прежде, чем приступить к работе, она приняла душ, прохладный, освежающий, бодрящий и сразу почувствовала прилив новых сил, энергии, утраченной и будто бы поглощенной несказанным злом при разговоре. Правда, кроме прилива сил, гадалка почувствовала и голод, но решила по пути заскочить в какое-нибудь кафе-бистро и наскоро перехватить что-нибудь. Вообще Яна не была любительницей приготовления пищи, особенно блюд, требующих особых усилий и времени. Гораздо меньше отрицательных эмоций вызывали у нее полуфабрикаты и рецепты, работа по которым занимала не более пятнадцати-двадцати минут.

Возможно, все это объяснялось недостатком времени и бессмысленностью корпения над приготовлением чего-нибудь супернеобычного. Ведь Милославская жила одна, и удивлять ей было некого. Сама она при желании могла посетить какое-нибудь недорогое кафе или ресторанчик и там вдоволь насладиться тем яством, до приготовления которого у нее не доходили руки.

Яна открыла шифоньер и, не долго думая, достала оттуда удобные джинсы-стреч и не менее удобный легкий вязаный пуловер. Не сказать, чтобы Милославская была поклонницей спортивного стиля в одежде, но сегодня этого требовало настроение, к тому же она предполагала, каким непредсказуемо трудным может оказаться день. Ведь не раз случалось такое, когда осуществляя при расследовании самые безобидные действия, Милославская попадала в передряги, достойные внимания режиссера боевиков-триллеров.

– М-м-м-э-у, – хрипло позевнула Джемма, поглядывая из угла комнаты на торопливые сборы хозяйки.

– Спать хочется? – Яна присела возле любимицы и ласково потрепала ее по шерсти. – Ничего, отоспишься, пока меня не будет. Я ухожу. Во сколько вернусь, не могу сказать.

Джемма сразу встала и любопытно посмотрела на гадалку.

– Нет-нет, – отреагировала Милославская строгим голосом, – возражений не принимаю. Иду в общественное место, там с собаками, к сожалению, не принимают.

Джемма смотрела так жалостливо, что Яна смягчилась и решила потратить еще несколько минут на выгул собаки. Овчарка радостно кинулась на улицу, как только хозяйка приоткрыла калитку. Джемма схватила зубами первую же попавшуюся палку и принесла ее хозяйке, умоляющим взглядом прося поиграть с нею. Гадалка всякий раз старалась закидывать корягу как можно дальше, чтобы Джемма успела хоть в какой-то мере реализовать накопившуюся потребность в беге и активных действиях. Происходящее умиляло Яну, и, как и всегда, поднимало настроение. Джемма была для нее единственным близким существом, готовым к тому же приложить все усилия для поднятия настроения хозяйки.

* * *

– Притормозите здесь, наверное, – задумчиво протянула Милославская, пристально при-
сматриваясь к улице через окно машины.

– Так наверное или притормозить? – добродушно шутя, ответил пожилой, но молоде-
ватый водитель такси.

– Да-да, остановите, – подтвердила Яна, – убедившись, что прибыла на нужное место.

– Вам куда нужно-то? – поворачивая к обочине, спросил таксист.

– Мне в сто пятую школу.

– Небось сорванец ваш натворил чего, вызывают теперь, нотацию о тактике воспитания
прочитать хотят? – хитро прищурясь, продолжал мужчина.

– Д-да... – упоминание о мальчишке-сорванце задело Милославскую за живое и она,
чтобы побыстрее отвязаться от излишне общительного водителя, утвердительно кивнула голо-
вой.

Однако это его только раззадорило.

– Нечего вам поэтому поводу переживать! Хотите я пойду? А что? Скажу – де-едушка!

Яна не стала ничего отвечать, и вышла из машины, положив на сиденье почти новенькую
сторублевку. Она пошла вперед не оглядываясь, слыша за собой благодарственные причитания
пожилого таксиста:

– Сдачи не надо, да? Ну что ж, благодарствую, благодарствую. Поеду-ка восвояси, пока
вы не опомнились.

На самом деле, дорога от Агафоновки до центра на такси стоила недешево, но сто рублей
за эту услугу было, действительно, многовато.

Недавно выкрашенные лестницы, голубенькие стены, то там, то здесь увешанные разно-
образными стендами – все это Милославской напомнило ее собственное детство-отрочество. В
сознании гадалки сразу всплыл образ худенькой девочками с двумя торчащими в разные сто-
роны, черными, как смоль, косичками, и ей почему-то взгрустнулось. Назойливо стали лезть
мысли о быстротечности жизни, о ее бессмысленности, и Яна, стараясь как можно дальше уйти
от них, заспешила вперед, где на одной из дверей висела табличка с надписью «Учительская».

Стукнув несколько раз по деревянной круглой ручке, Милославская приоткрыла дверь и
заглянула внутрь. За одним из обшарпанных полированных письменных столов сидела седо-
волосая, постриженная под «каре» женщина в спортивном костюме, очевидно, учитель физ-
культуры. Тут вдруг Яна подумала о том, что в школе, вообще, на удивление тихо и пусто.

– Здравствуйте, – обратилась Милославская к незнакомке, – у вас сегодня случайно не
выходной? Что-то пусто везде.

– Субботник, – устало вздохнула учительница, поправляя прядь волос, упавших на
глаза, – вернее понедельник, или... незнаю, как его лучше и обозвать, сегодня ведь поне-
дельник...

Яна все так же стояла в дверях, не зная, как продолжить разговор, но женщина, помолчав
с минуту, сама обратилась к ней:

– А вы что, собственно, хотели?

– Мне бы характеристику получить, двух ваших недавних выпускниц.

– Кого? – с живым участием поинтересовалась учительница.

– Валерии Вершининой и Ирины Черненко.

– Вы из милиции? – переменившись в лице, продолжала задавать вопросы незнакомка. –
Я Надежда Анатольевна Бедная, учитель физкультуры этой школы.

Милославская хотела было объяснить, кто она есть и какие цели преследует, но Надежда
Анатольевна опередила ее.

– Мы все просто ошеломлены этой трагедией! Ужас какой-то! Скоро станет и на улицу страшно выйти! У Ирины вся жизнь еще была впереди, и пожить-то совсем не успела...

– Вы их классный руководитель? – спросила Милославская, обрадовавшись, что сразу напала на нужного человека.

– Нет-нет. Вам нужна Катрич Надежда Федоровна, учитель английского языка. Но она сейчас с классом, на уборке территории, в сквере.

– Далеко?

– Да нет. Но вам, наверное, лучше подождать. Все-таки там не самое удобное место для таких разговоров. Надежда Федоровна скоро должна подойти.

– Хм-м-м... – задумчиво протянула Яна.

– А у нас и самовар как раз скипел! – резко поднявшись, воскликнула Бедная и прошла к столу, на котором, на самом деле во всю бурлил старенький небольшой самоварчик.

На Яну он почему-то произвел какое-то умиление, напомнив собой старые добрые времена, семейные чаепития вокруг пыхтящего огромного самовара.

– Я и сама только что с уборки вернулась, – суетясь вокруг самовара, объяснялась Надежда Анатольевна, – теперь можно и чайком побаловаться. Угощайтесь.

Учительница пододвинула Яне небольшую фарфоровую чашечку, из которой шел головокружильный аромат.

– Уф-ф-ф, – глубоко, с наслаждением вздохнула Милославская, – у вас великолепный чай! Как называется?

– Коллеги назвали его «Принцесса Надя». Знаете такие марки «Принцесса Нури» и так далее?

– Да... Слышала что-то наподобие, – сделав глоток, отвечала Яна.

– Так вот. Я люблю чай собственного приготовления, из целебных трав. Учителя знают это мое хобби и ценят его. Недавно я праздновала день рождения, и в числе других подарков мне приподнесли огромную коробку с разными лекарственными растениями, назвав все это в целом чаем «Принцесса Надя», потому что меня зовут Надежда.

– Оригинально! – одобрительно кивнув головой, произнесла Милославская.

– Учителя принесли, кто что мог, – с увлечением продолжала Надежда Анатольевна, – кто боярышник, кто шиповник, кто ромашку, кто тысячелистник... И вот теперь я их этими отварами потчую. Ведь правда вкусно?

– Безусло-овно!

– А как полезно!

В этот момент дверь учительской распахнулась и с громким вздохом облегчения в помещение вошла женщина, увидев которую, Бедная воскликнула:

– А вот и она. Надежда Федоровна Катрич.

– Кто? Что? – непонимающе захлопала глазами женщина.

– Надежда Федоровна, к вам из милиции, – кивнув на Яну, пояснила Бедная.

– По какому вопросу? – сразу как-то собравшись, парировала Надежда Федоровна.

– Вообще-то я веду частное расследование, – сразу поправила учителя физкультуры гадалка, – и мне хотелось бы получить характеристики Вершининой Валерии и ее подруги, Ирины Черненко.

– Какое частное расследование? – почти в один голос спросили женщины.

– Я веду это дело по просьбе матери Валерии, Натальи Евгеньевны, которую работа уголовного розыска пока не удовлетворяет.

– Хм... – протянула Катрич и стала прохаживаться из одного угла учительской в другой. – Интере-есно...

– Валерии требуется помощь, – видя сомнения преподавателей, – пояснила Милославская.

– Нет-нет, я, в общем-то ничего не имею против ответов на ваши вопросы. Просто и директора сейчас нет, печать у него в сейфе.

– Какая печать? – не поняла гадалка.

– Ну, на характеристике по всем правилам должна стоять печать и штамп, – Надежда Федоровна развела руками.

– Да мне и бумага-то не нужна, – рассмеялась Милославская, – сгодится и характеристика в устной форме. Я веду частное расследование и отчитываться, слава богу, не перед кем не должна. Память меня пока еще не подводила. Так что...

– Да? Ну хорошо, тогда можно приступать к беседе, – Катрич присела рядом с Яной.

– Подождите, подождите, – прервала собеседниц Надежда Анатольевна, – Надежда, ты еще чай не пила. Думаю, беседа всегда лучше удастся во время чаепития.

Бедная вновь наклонилась к самовару и стала наливать чай коллеге.

– Давайте и вам кипяточку подолью, – обратилась она к Милославской, – а то у вас остыло совсем.

– Не откажусь, – гадалка пожала плечами, – ваш напиток поистине великолепен. Да, я, кстати, еще и не представилась.

Учителя переглянулись.

– Яна Борисовна Милославская, экстрасенс, – продолжала гадалка.

– Да-а... – недоверчиво покачала головой Катрич. – Интересная у вас профессия, очень современная... Подождите минутку, я скоро вернусь.

Сказав это, Надежда Федоровна скрылась за дверью учительской, оставив гостью наедине с преподавателем физкультуры. Буквально через минуту затрещал телефон, что свидетельствовало о наличии параллельного аппарата, по которому кто-то сейчас упорно названивал. Милославская улыбнулась, так как она сразу же угадала намерение Катрич подтвердить личность гадалки или, по крайней мере, выяснить у Натальи Евгеньевны Вершининой, не нанимала ли та для расследования преступления гадалку.

Вскоре Надежда Федоровна вернулась с выражением облегчения на лице, и Яне сразу стало понятно, что в своих подозрениях она оказалась права.

– Ну что ж, приступим, – доброжелательно произнесла она, беря в руку чашечку с чаем.

Далее Яна получила весьма обстоятельную характеристику девушек. Ей даже не пришлось задавать вопросов, поскольку информация о бывших ученицах Катрич и без того была исчерпывающей. Как и было положено, Надежда Федоровна начала рассказ со сроков обучения подруг в данной школе, с того, на какие оценки они успевали и с прочих мелочей, не имеющих для гадалки абсолютно никакого значения. Тем не менее, не желая показаться невежливой, Милославская слушала рассказ, к тому же в практике Яны бывали случаи, когда самая, на первый взгляд, незначительная деталь оказывалась важной зацепкой.

Надежда Федоровна самозабвенно рассказывала о достоинствах ее бывших учениц. В характере Валерии она особо выделила такое качество, как коммуникабельность. Девушка на удивление легко вступала в общение, располагала людей к себе. Когда в классе появлялись новенькие, именно Вершининой удавалось самой первой сдружиться с ними. Планируя школьные или классные внеурочные мероприятия, при выборе кандидатуры ведущей, останавливались на Валерии, поскольку речь ее была развитой, и она легко находила, что сказать в любой непредвиденной ситуации, легко и удачно импровизировала, если вдруг забывала слова, предписанные по сценарию.

Катрич также указала на высокую степень ответственности Валерии и Ирины. Она, как классный руководитель, всегда могла положиться на них, поскольку к поручениям подруги относились очень серьезно. Будь то дежурство по классу или оформление очередной стенгазеты – ко всему девушки относились с ответственностью и никогда не подводили ни учителей, ни одноклассников.

Не менее подробно Надежда Федоровна остановилась на доказательстве того, что ее выпускницы были очень порядочными. Учитель привела чуть ли не десяток примеров, после которых любой мог стать на все сто уверенным в сказанном, поскольку примеры эти были на самом деле убедительными.

В этот момент в учительскую вошла преподавательница русского языка и литературы, которая став невольной свидетельницей разговора, скоро присоединилась к нему и стала с упоением говорить, какими начитанными и умными были Валерия и Ирина.

Яна слушала все это и вспоминала фразу из известного кинофильма, ставшую крылатой: «Спортсменка, комсомолка и просто красавица!» Тем не менее, постепенно классный руководитель перешла к характеристике взаимоотношений пострадавших со сверстниками. Как оказалось, с представительницами женского пола у подруг были хорошие дружеские отношения. А вот к одноклассникам-парням они относились весьма пренебрежительно, предпочитая им более старших. И не просто старших, а тех, кто уже имел достаточный авторитет, вес в обществе, был обеспеченным, можно даже сказать, входил в категорию пресловутых новых русских.

Особенно тянуло к таким мужчинам Валерию. Она считала, что только они являются возможными кандидатами на роль ее женихов или даже просто любовников, друзей. Только в людях такого типа она видела качества, которыми, по ее мнению должен обладать настоящий мужчина. На школьных вечерах она скучала, ожидая, когда явится кто-нибудь, способный заинтересовать ее. Первое, что привлекало Валерию в мужчинах, было наличие автомобиля, причем новенького, а не прошедшего огни и воды.

Сказанное как-то насторожило Милославскую. Здесь в ее сознании стали рождаться какие-то идеи и предположения. Вершинина была найдена довольно далеко от города. Пешком добраться туда являлось делом весьма проблематичным, да и бессмысленным. Поэтому, вероятно, Валерия и Ирина имели общение с какими-нибудь крутыми парнями, которые катали их на завораживающем дух авто. Потом по неизвестной пока причине и неизвестными пока лицами произошло убийство. Многое между тем еще предстояло выяснить и доказать.

Милославская настолько глубоко ушла в свои размышления, что последних фраз и не услышала.

– Яна Борисовна! Яна Борисовна! – долетело до нее будто бы откуда-то издалека.

– А? Да... Я слушаю... – ответила она рассеянно учителям, которые в два голоса обращались к ней.

– Что же вы чай совсем не пьете? – спросила Надежда Анатольевна. – Не понравился?

– Нет-нет, что вы?! Напротив, я от него в восторге! – стала оправдываться гадалка. – Просто заслушалась, задумалась...

Сказав это, Яна почти залпом допила остывший чай и поспешила попрощаться, дабы поскорее приступить к дальнейшим пунктам расследования. Поблагодарив учителя физкультуры за оригинальный чай, а классного руководителя за исчерпывающую характеристику, она медленно побрела по просторным коридорам школы, погруженная в глубокие раздумья. Несколько позади школы находился тот самый сквер, в котором, по-видимому только что и проходила уборка. Все уже разбрелись по домам, сквер опустел, и только тлели кое-где угольки в кучках сожженного мусора и листвы. Непроизвольно Милославская направилась в сторону сквера и, очутившись в нем, присела на одну из недавно выкрашенных лавочек.

Она наслаждалась терпким запахом костерков и думала о том, как прекрасна все-таки жизнь, и как рано она закончилась для юной Ирины Черненко. Где-то недалеко звучала веселая зажигательная музыка. Посмотрев направо, Милославская увидела ярко расписанную вывеску кафе, на которой жирными расплывчатыми буквами было написано «Юбилей». Яна вспомнила, что кроме утреннего кофе и недавнего чая, она ничего еще не ела, хотя время приближалось к обеду. Потянувшись, она поднялась со скамейки и быстрым шагом направилась в сторону кафе.

В меню, предоставленном гадалке официантом, оказались и весьма экзотические блюда. Рисковать Яна не любила, поэтому решила заказать то, что уже некогда пробовала.

– Спаржу с филе форели, – холодно произнесла она, не глядя на официанта, старательно высматривающего клиентов, способных дать хорошие чаевые.

– Пить что будете? – с деланной любезностью спросил тот.

– Пожалуй... стакан белого вина. Только хорошего.

– Минутку, – отчеканил официант и удалился.

Через десять минут перед Мирославской стояла тарелка, устланная листьями салата, на которых красиво лежали редис, спаржа и кусочки форели, обжаренные, судя по отменному запаху, в топленом масле. Все это было полито совершенно невероятным соусом из майонеза и горчицы, смешанных с мелко нашинкованным луком, яйцом, огурцами и кресс-салатом. Слегка охлажденное вино оказалось на самом деле вкусным и, сделав пару лотков, Яна приступила к обеду.

Приятное чувство сытости заставило расслабиться и даже вызвало чувство дремы. Поразмывав немного, Мирославская приняла решение отправиться домой, передохнуть и во второй половине дня вновь приступить к работе.

* * *

– Ав! Уав! – Яна, открывая калитку, услышала раздраженный лай Джеммы.

На нее лаять собака просто не могла, и это гадалку насторожило. Войдя в дом, она увидела, как овчарка, встав передними лапами на край тумбочки, на которой на данный момент находился телефон, настойчиво пыталась заглушить своим лаем его повторяющиеся звонки. По-видимому, кто-то уже давно пытался дозвониться до гадалки, и Джемме это порядочно надоело, поэтому она и решила принять посильные меры, оказавшиеся, увы, тщетными.

– Джемма-а! – умиленная увиденным, ласково произнесла Яна и сняла трубку. – Да. Слушаю, – спокойно проговорила она.

– Черт бы тебя побрал, Яна Борисовна! Проще дозвониться до вождя африканского племени тумба-юмба, чем до тебя! Где тебя носит? – раздался в голосе нарочито сердитый голос давнего друга Мирославской, Семена Семеновича Руденко.

Руденко работал в милиции. Был он уже мужчиной зрелого возраста, однако только недавно стал капитаном, до этого долгие годы нося звание старшего лейтенанта. Дело не в том, что Семен Семеныч относился к работе спустя рукава. Нет, напротив, он был весьма и весьма добросовестным. Просто есть такая категория людей, которые в силу своего характера, и, возможно, недостаточной смысленности, а, может быть, и просто по невезению, до самой пенсии сидят-посиживают на одной и той же ступени служебной лестницы. Получив новое, более высокое звание, Руденко стал очень им гордиться, внушая себе, что только благодаря собственному старанию он стал теперь капитаном. В этом была значительная доля правды. Однако, в глубине души Семен Семеныч понимал – если бы не Яна Борисовна, ходить бы ему до неизвестной поры в старлеях.

Мирославская, на самом деле, сыграла немаловажную роль в карьерном росте приятеля. Она не стремилась к этому, все вышло само собой. Расследуя дела, вверенные ей клиентами, Яна часто прибегала к помощи Руденко, поскольку услуги, оказание которых было по силам только сотрудникам органов, гадалке требовались довольно часто. Это могли быть банальные отпечатки пальцев, фоторобот, какая-нибудь экспертиза, – в общем все, чем старший лейтенант милиции имел право пользоваться в своей работе. Так женщина самой необыкновенной профессии, экстрасенс, гадалка и обыкновенный российский мент начинали тесное сотрудничество, оказывающееся выгодным не только Мирославской, но и Семену Семенычу.

При всем этом, в общении с Яной он никогда не преследовал корыстных целей. Напротив, почти всегда относился к ее призывам до самого последнего, решающего момента очень скептически, не веря, что гадание, на самом деле, может помочь расследованию. Руденко много раз убеждался в действенности и результативности Яниных методов ведения дел, но тем не менее, каждый раз брался за дело без удовольствия, бурча себе поднос неллицеприятные слова в адрес карт, используемых гадалкой.

Несмотря ни на что, между приятелями царили теплые дружеские отношения. Яна была одинока, а Руденко – женат, но это не мешало их общению, поскольку никакой любви, кроме дружеской, между этими мужчиной и женщиной не существовало.

– Семен Семеныч? Ты? – весело спросила Милославская, хотя сразу узнала голос приятеля.

– Я! Кому ж еще быть?! – сменив сердитость на дружелюбие ответил тот.

– В чем дело? Что-то случилось? – спросила Яна, обеспокоенная настойчивостью приятеля.

– У меня-то ничего. Я думал у тебя что-то случилось! Звоню-звоню, ты трубку снимешь и бросаешь, и все дела. Что еще за безобразие? Что происходит?

– Сема, да ты что? Я только зашла! – засмеявшись, протянула гадалка и, догадавшись, в чем дело, посмотрела на Джемму.

Вероятно, она, взбешенная повторяющимися звонками, решила утихомирить надоевший телефон и стала зубами или еще каким-нибудь доступным собаке способом снимать трубку аппарата. Не отходя от трубки, Милославская приласкала любимицу и продолжала беседу с приятелем:

– Как жизнь?

– Да вот хотел заскочить к тебе, пока часок-другой освободился, посидеть, все-таки давно не виделись.

– Да? Хорошо. Я не против! – обрадовалась Яна. – Заодно поделюсь соображениями.

– О чем? – заинтересовался Семен Семеныч.

– Да так... – многозначительно протянула гадалка. – У меня новое дело.

– Интере-есно! – ухмыльнулся Руденко. – Ну ладно! Скоро буду, тогда и поговорим. Портвейну захвачу? – несмело обратился к подруге Семен Семеныч.

– Ты же знаешь, я к твоему «Три Семерки» абсолютно холодна! – парировала гадалка. – Да и у тебя весь день еще впереди, работа. Ты же на машине?

– Работа... – разочарованно вздохнул Руденко, – черт бы ее побрал! Ну все, еду!

Семен Семеныч имел необыкновенное пристрастие к портвейну «Три Семерки» и употреблял его не только по праздникам, но и когда душа того требовала. Коллеги по работе знали о такой редкостной верности человека одному и тому же напитку и даже наградили Семена Семеныча одноименной кличкой – Три Семерки. Поначалу будучи не очень довольным прилипшим прозвищем, Руденко постепенно привык к нему и даже невольно стал откликаться, когда кто-то позволял себе такого рода панибратское отношение к сослуживцу. Яна тоже иногда использовала эту кличку, и Руденко, к счастью, нисколько не обижался.

Милославская знала, сколько примерно времени занимает дорога от места работы Семена Семеныча до ее дома. В эти свободные двадцать-тридцать минут она решила переодеться, немного подправить макияж и сварить кофе, чтобы встретить приятеля свежим горячим напитком, который ему очень нравился. Да и редкий гость оставался равнодушным к Яниному кофе, поскольку готовила она его просто отменно. Некоторые предполагали, что весь секрет заключается в серебряной джезве, которую Милославская не меняла и не собиралась менять на современные кофеварки, заполонившие прилавки магазинов. Ответ на этот вопрос гадалка и сама не знала, но, наверное, здесь играла роль и та частица души, которую женщина каждый раз вкладывала, готовя ароматный напиток.

Сменив джинсы и пуловер на домашний халат, в котором гадалка не считала зазорным появиться перед Руденко, она подошла к зеркалу и жесткой массажной щеткой стала расчесывать густые, блестящие черные волосы. Ими Яна была одарена от природы, поэтому она и знать не знала, что такое краска для волос. Клиенты, приходящие к Милославской, часто обращали внимание на ее волосы, видя в их угольной черноте признак чего-то необыкновенного, сверхъестественного, магического.

Припудрив лицо и слегка подкрасив губы нежной персиковой помадой, гадалка отправилась на кухню и принялась за варку кофе. Не прошло и получаса с момента, когда позвонил Семен Семеныч, как он самолично пожаловал. Яна услышала звук изрядно тарахтящего мотора, выглянула в окно и увидела знакомые «поношенные» руденковские «Жигули». «Шестерка» капитана милиции, на самом деле, прошла огонь и воду, и медные трубы. Она доставляла своему владельцу великое множество хлопот, однако существования без нее Три Семерки все-таки не представлял, поскольку по долгу службы да и по семейной надобности ему постоянно требовалось доступное, находящееся под рукой средство передвижения.

– Хозяюшка-а, встречай, – выйдя из машины, Руденко заголосил, нарочито окая так, как это делают невольны жители Горьковской области.

Джемма пару раз недовольно тяфкнула и спокойно растянулась на коврик в углу кухни, так как чуяла хорошо знакомого гостя.

– Пара-ра-парам! – Семен Семеныч, разуваясь, напевал какую-то незатейливую мелодию. – Пара-ру-ра-ам...

– Что, Сема, жизнь весела стала что ли? – Милославская вышла в коридор и, посмеиваясь, глянула на друга.

– Не жалуемся, не жалуемся, – самодовольно проговорил тот, поглаживая рукой погоны.

– Ой-ой-ой! – иронично произнесла Яна. – Начальник никак похвалил?

– Похвалил, похвалил. Должна же быть когда-нибудь и у кота масленица!

– А по поводу жестокого убийства и последующего погребения молодой девушки ничего не сказал? – с ходу озадачила Руденко Яна.

– Это ты про что? – выпучив глаза, испуганно произнес Семен Семеныч.

Милославская начала было рассказывать историю, поведенную ей недавно Натальей Евгеньевной, но Три Семерки довольно скоро перебил ее.

– А-а-а! Так бы и сказала! А я-то думаю!

– А я как сказала? Разве не так? – удивилась Яна.

– Ну не понял я сразу, не-по-нял! – по слогам продекламировал Руденко.

– Слушай, а тебе это откуда известно? В прессе вроде не было ничего и на телевидении тоже...

– Я этим сейчас занимаюсь.

– То есть как?

– Так. Расследую это дело. Мать оставшейся в живых потерпевшей пожелала воспользоваться моими услугами.

– Вот те на! – громко захохотав, воскликнул Семен Семеныч. – Ничего себе совпадение!

– В чем дело? – ничего не понимающая Яна беспомощно развела руками.

– Я тоже расследую это дело, – четко проговаривая каждое слово, заявил Три Семерки, – не теми способами, которые используешь ты, конечно, но, тем не менее, мне поручено принимать в этом деле самое деятельное участие.

– А что ж ты тогда сразу ничего не мог понять? – удивилась Милославская.

– Да знаешь, я это все, честно говоря, как-то не очень держу в голове, – пренебрежительно поморщившись, произнес Руденко. – вообще, у нас и так куча серьезных дел, а тут приходится заниматься всякими там изнасилованиями.

– Изнасилованиями? – от удивления Милославская раскрыла рот.

– Ну да. Это такие банальные истории, что невольно забываешь подробности каждой из них. Ужасно, конечно, но такое сейчас происходит везде и всюду.

– Подожди, подожди, – гадалка жестом руки остановила приятеля, давай по порядку.

– Зачем? Ведь ты занимаешься этим делом и, наверное, и так все знаешь?

– Д-да... Но... Но об изнасиловании я, честно говоря, услышала только от тебя. Мать потерпевшей не сказала об этом, а с самой Валерией я пока не виделась.

– Вот это да? Что ж она не рассказала?

– Не знаю. Возможно, не захотела вдаваться в подробности, потому что это вновь причиняет ей уже испытанную боль, – предположила Яна, – а может быть, она просто считает, что знать об этом – дело милиции, а экстрасенсу важны другие детали...

– Не знаю, не знаю, – Три Семерки с сомнением покачал головой.

Помолчав немного, Руденко поведал подруге ужасающую историю о том, что несчастным девушкам пришлось вынести. Над ними измывались, зверски издевались, и неудивительно, что пережитый Валерией шок привел к потере памяти. Наверное, это было защитой организма, который знал, что душа, сердце человека, в отличие от его тела не в силах вынести все это. Милославская, скрепя сердце, выслушала рассказ до конца.

– Чего же от тебя хочет Наталья Евгеньевна? – спросил Семен Семеныч, закончив.

– Помочь ее дочери вспомнить все. Ведь это значительно облегчит работу следствия?

– Да.

– И вообще, родители потерпевших не могут смириться с тем, что преступник до сих пор разгуливает где-то безнаказанно.

– Милиции они что же, не доверяют? – с чувством уязвленного самолюбия тихо произнес Руденко.

– Дело не в этом, – вздохнув, ответила Милославская, – одна голова, как говорится, хорошо, а две... сам знаешь... Да и с каждым днем надежды у них становится все меньше и меньше, а в моих методах они видят шансы на успех.

– Ну что ж, это их дело, – заключил Руденко.

– Ты что это приуныл? – глядя другу в глаза, спросила гадалка.

– Не приуныл я! – раздраженно ответил Три Семерки.

– Сем, а Сем, давай сотрудничать, а? – вкрадчиво протянула Яна. – Знаю наперед, мне твоя помощь понадобится...

– Понадобится, так помогу, – отрезал Три Семерки, все, хватит об этом, давай лучше о чем-нибудь более приятном.

– О приятном, так о приятном, – согласилась Милославская и пригласила друга пить кофе, который уже практически остыл.

С полчаса они говорили о том-о сем, об общих знакомых, минувших удачных делах и прочем. Яна не забыла поинтересоваться здоровьем жены Руденко, Маргариты Ивановны, и успехами его сына. О домочадцах Семен Семеныч говорил с удовольствием, он искренне любил их и был хорошим семьянином, хотя редкие вечера ему доводилось проводить в стенах своей квартиры. С женой Руденко повезло, поэтому ему не приходилось выслушивать упреки за это. Маргарита Ивановна для него была просто подарком судьбы. Профессия требовала от него огромных усилий, рабочий день был ненормированным, часто случались какие-нибудь неприятности, после которых Три Семерки долго ходил злой и раздраженный. Однако дома его всегда ждал теплый прием, ласковые слова, понимание и ужин, приготовленный с душой. В общем, жена Руденко была не только истинной хранительницей семейного очага, но и своеобразным антистрессовым средством.

Чему уж поистине завидовали сослуживцы и друзья Руденко, так это тому, что даже если он приходил домой, предварительно уговорив на работе бутылку любимого портвейна, Мар-

гарита Ивановна хмурилась, бурчала, но через несколько минут от ее рассерженности не осталось и следа.

Маргарита Ивановна с годами не утратила своей былой красоты, и даже появившиеся с годами морщинки не лишали ее облик неповторимого обаяния и привлекательности. Глядя на таких, как она, всегда думается, что некоторые люди с течением лет только хорошеют. Возможно, причина этого кроется в неутомимом оптимизме, жизнерадостности и редком человеческом радушии, которые, такие, как Маргарита Ивановна, не теряют даже в самые критические моменты жизни.

Поговорив о близких, Семен Семеныч вновь пришел в прежнее, веселое расположение духа и вновь стал смотреть на мир глазами оптимиста. Милославская решила воспользоваться этим, поэтому предложила:

– Ну что, теперь за работу?

– За какую работу? – удивился Три Семерки.

– Едем к Вершининой? Ведь я еще с ней не познакомилась.

– Не-ет. Уволь, – Руденко отрицательно покачал головой, – на данный момент у меня другие планы. Было свободных два часа, я тебя навестить решил, а далее все пойдет по заранее предначертанной схеме. Завтра... или даже послезавтра с утра я к твоим услугам, а сейчас – извини, занят.

– Нет, Сема, ждать я не могу, не имею права. Возьмусь за работу прямо сейчас. Приехала домой передохнуть, а тут ты позвонил. Поговорила вот с близким человеком и будто заново родилась. Чувствую вновь порыв к деятельности. Ну а ты... подвезешь хотя бы?

– О чем речь?! – Три Семерки загремел ключами, лежавшими на столе, и встал, чтобы направиться к выходу.

– Семен Семеныч, я скоро. Минут пятнадцать подождешь? Мне одеться надо.

– Давай по-шустрому, – буркнул Руденко и вышел из дома.

* * *

«Шестерка» Руденко спешила по одной из нешироких улиц, то и дело ловко обгоняя другие автомобили. Машина, конечно, была старой, зато Семен Семеныч показывал себя первоклассным водителем. К тому же, всю жизнь проработав в милиции, он отлично знал город, поэтому, не задумываясь, летел вперед от самой Агафоновки до центрального Октябрьского района, где по правилам полагалось снизить скорость.

Яна Борисовна здесь тоже стала смотреть в окно внимательнее, раздумывая, где ей лучше выйти, чтобы побыстрее добраться до указанного на смятом листочке адреса. Наталья Евгеньевна, уже выйдя за калитку, продиктовала его Яне, точно также, как номер своего рабочего и домашнего телефона. Улица, на которой проживали Вершинины, не была центральной, поэтому Милославская недостаточно хорошо себе представляла, где именно на ней находится дом под номером двадцать пять дробь один.

– Семен Семеныч, – вдруг обратилась она к Руденко, – останови.

Справа от дороги на одном из пятиэтажных домов виднелась вывеска – магазин «Смарагд». Объясняя местонахождение дома, Наталья Евгеньевна сказала, что ориентироваться надо именно на этот магазин.

– Прибыли? – спросил Руденко.

– При-ибыли, – протянула Яна, – ну, что, до встречи? Увидимся?

– Увидимся или созвонимся, – ответил Три Семерки, улыбаясь.

Милославская хлопнула дверью и отправилась в сторону «Смарагда». Она быстро, пока на светофоре горел зеленый, пересекла дорогу и вскоре очутилась перед магазином. Из любопытства разглядев сверкающие витрины, Яна стала медленно брести вдоль дома, пока не дошла

до угла. Посмотрев вверх, она обнаружила на доме табличку с названием улицы, которая ей и была нужна.

Экстрасенс вновь зашагала вдоль здания, пока вновь не дошла до его угла. Дом здесь не заканчивался, а заворачивал. Гадалка предположила, что он построен в форме буквы «Г». Но вскоре выяснила, что ошибалась. Дом вновь заворачивал. Однако нигде не было видно арки, проникнув в которую, человек мог оказаться во дворе постройки.

Пройдя немного вперед, Милославская обнаружила железные ворота, выкрашенные светло-голубой краской. На них крупными черными буквами было написано: «Посторонним въезд и вход воспрещен». Ворота оказались распахнутыми, но за ними находилась небольшая, застекленная сверху будка, в которой сидел старик, зорко следящий за тем, что творилось на улице. Однако, отчаиваться было не в правилах Яны. Подняв голову, она увидела, что прямо навстречу ей спешит прохожий.

– Извините, – остановила его гадалка, – как мне найти дом под номером двадцать пять дробь один по улице Токмаковской?

– А это он и есть, – ответил прохожий, кашлянув.

– Да, но я видела табличку с названием этой улицы совершенно с другой стороны.

– Ну и что? Весь дом относится к этой улице! – прохожий удивленно пожал плечами и пошел дальше.

Яна хлопала глазами, обескураженная таким положением дел. Без подсказки знающего человека здесь вряд ли смог сориентироваться даже самый смысленный. Эта запутанность с адресом почему-то показалась гадалке символичной. «Наверное, – пронеслось у нее в голове, – и дело окажется таким же запутанным».

Теперь Яна понимала – нужный ей дом, наконец-то, найден. Однако, предупреждающая надпись на воротах не внушала никакого желания войти во двор. На сегодняшний день в городе построили множество элитных домов, в которых имелись шикарные холлы, охраняемые, как и весь дом, несколькими вооруженными мужчинами. Гадалка предположила, что и эту старую пятиэтажку решили модернизировать подобным образом и отказалась от попытки пройти в ворота. Обойти же дом не представлялось возможным, поскольку с обеих сторон к нему были пристроены другие. В одном месте оставался узенький прогал, протискиваться по которому было бы просто неприлично. «Вот накуралесили!» – сердито вспомнила гадалка перестаравшихся строителей.

Вдруг на углу противоположного дома Милославская заметила таксофон, и у нее возникла неплохая, в общем-то, спасительная мысль. Позвонив Вершининым, она получала шанс выяснить, как же в конце концов до них добраться. Поднимая трубку телефонного аппарата, Яна бормотала:

– Если начало дела такое, то каким же будет его продолжение?!

После пары длинных гудков, на том конце провода послышался незнакомый гадалке девический голос. Милославская предположила, что это и есть Валерия, но она не знала, с чего начать разговор с ней и как вообще представиться.

– Наталью Евгеньву можно? – спросила она наконец.

– Ее нет, – ответила девушка меланхолично.

– А с кем я говорю? Это Валерия? – осторожно произнесла Милославская.

– Да. Кто это?

– Яна Борисовна Милославская. Сегодня ваша мама была у меня. Она вам обо мне говорила?

– Вы гадалка?

– Да.

– Да. Мама мне сказала о вас.

– Валерия, я бы хотела с вами поговорить, но не могу найти вход в дом.

– Где вы находитесь?

– Напротив каких-то голубых ворот.

– Вы в правильном месте. Зайдите в ворота. Дверь нашего подъезда, в отличии от других, без кодового замка.

– А как же вахтер? – поинтересовлась Милославская.

– Это формальность, – ответила Валерия и положила трубку.

Оглядевшись, Яна быстро перешла дорогу и направилась прямо к воротам. Сказанное Валерией позволило ей держаться уверенно, поэтому вахтер-старик лишь любопытно оглядел ее, не предъявляя никаких претензий.

Миновав определенное количество ступенек грязного зловонного подъезда, Милославская оказалась перед дверью с нужным номером. Она протянула руку к кнопке звонка и осторожно нажала ее пару раз. Раздался переливчатый звук, напоминающий соловьиную трель. Вслед за этим дверь почти сразу же отворилась. Вероятно, Валерия сидела в ожидании гостя.

Перед экстрасенсом стояла высокая стройная девушка с очень бледным лицом. Казалось, она перенесла какую-нибудь тяжелую болезнь, оставившую после себя заметный след. Валерия стояла молча и поправляла пряди волос, упавшие на лицо. Она была крашеной блондинкой, обесцвеченной до такой степени, что волосы ее стали похожими на стекло.

В глазах Вершининой стояла какая-то неизъяснимая грусть, всеобъемлющая тоска, отчаяние, разочарование. Человеку неосведомленному, наверное, показалось бы странным такое выражение лица у юной, довольно привлекательной леди. Милославской же многое было ясно.

– Добрый день, я Яна Борисовна Милославская, – стараясь выглядеть как можно более добродушной, произнесла гадалка.

– Я Валерия. Заходите, – произнесла девушка.

Валерия молча последовала по длинному коридору в направлении одной из комнат. Не дожидаясь приглашения, Яна прошла за ней. Она так же по-хозяйски расположилась в кресле и достала из сумочки пачку сигарет. От Вершининой веяло таким холодом, ужасом, что все внутри у Милославской сжималось от боли и сочувствия, и, хотя это и нарушало правила этикета, она закурила.

– Вы позволите? – спросила гадалка, когда конец ее сигареты уже светился багряным огоньком.

– Да... Пожалуйста, – ответила Валерия, которой сейчас, казалось все было безразлично.

– Ну что ж тогда начнем? – произнесла гадалка нерешительно улыбнувшись.

– Начинайте, – несколько саркастически отозвалась Вершинина.

Она положила ногу на ногу, от чего запах ее длинного махрового халата немного приоткрылся, и в нем мелькнула нога, на которой зиял иссиня-черный огромный синяк. Милославская от ужаса, охватившего ее, поморщилась, и это не ускользнуло от взгляда Валерии, однако она промолчала и никак не отреагировала на мимику гадалки.

– Валерия... – после этого слова Яна немного замялась, но, помолчав, все-таки продолжила: – Я глубоко сочувствую трагедии, произошедшей с вами, и, поверьте, всем сердцем желаю помочь.

– Пожалуйста, – Вершинина сделала предупреждающий жест рукой, – давайте без лишних слов, я в них не нуждаюсь.

– Хорошо, – Милославская кивнула головой.

Говорить и даже находиться здесь ей было необыкновенно тяжело, как было бы тяжело любому человеку найтись в подобной ситуации.

– Я прошу вас быть искренней и говорить начистоту, – продолжала экстрасенс, – чтобы помочь вам, я должна быть в курсе всех, даже мельчайших деталей.

– Боже мой, – возопила Валерия, закрыв лицо руками, – я об этом уже столько говорила: не помню, я ничего не помню! Что вам всем от меня надо?! Как еще объяснять то, что вся эта

ужасная история для меня начинается с того момента, как я выбралась из-под земли! Как я попала в то место, какие события предшествовали этому – не помню, хоть убейте, не помню.

Валерия зарыдала и откинулась на спинку кресла, по-прежнему закрывая лицо руками. Яна не знала, как себя вести, но девушка вдруг неожиданно успокоилась и, глядя гадалке прямо в глаза скороговоркой проговорила:

– Уходите. Пожалуйста, уходите! Я столько уже перенесла от этих тупых, как пробка ментов, от бездарных психотерапевтов, которые говорили со мной только из любопытства, как с под опытным кроликом! Я, в конце концов, просто хочу побыть одна!

Милославская резко загушила сигарету и поднялась, чтобы уйти. Слова Валерии ее нисколько не обижали, поскольку она слишком хорошо понимала положение несчастной девушки. Яна решила пока отказаться от разговора, отложив его на некоторое время.

– Не думайте, – вдруг переменяв тон, заговорила Вершинина, – не думайте, что это я лично против вас так агрессивно настроена. Нет. Просто я в отчаяньи! Мне страшно!

– Я понимаю. Я хорошо вас понимаю. Успокойтесь Валерия. Поговорим позже. Нам нужно побеседовать хотя бы о том, что вы помните: о вашем прошлом.

– Да, я знаю. Но сейчас уходите. Пожалуйста.

Яна сочувственно вздохнула и направилась к выходу. Вершинина ее не провожала, поэтому гадалке пришлось самой открывать дверь этой, чужой ей, квартиры.

Милославская вышла из подъезда с каким-то тяжелым, необъяснимым чувством. Она всегда глубоко переживала трагедии тех, кто обращался к ней с просьбой о расследовании, но в этот раз груз сочувствия огромным камнем лежал на ее сердце. Гадалка решала поехать домой и прибегнуть к единственно возможному сейчас и целесообразному методу ведения дела – гаданию.

* * *

Кофе оказался слишком горячим, и пройдя с остывающей чашечкой в комнату, Милославская взяла в руки пульт дистанционного управления телевизором и стала переключать кнопки разных каналов в поисках чего-нибудь веселенького. Ей хотелось отвлечься от грустных раздумий хотя бы во время наслаждения любимым напитком. Она надеялась остановить свой выбор на какой-нибудь развлекательной или, что было бы еще лучше, юмористической передаче. Однако, поиски не увенчались успехом, поскольку в это время дня подобных шоу не транслировалось.

Яна оставила телевизор включенным на том канале, где показывали мультфильмы, так как это было, на ее взгляд лучшим из всего имеющегося. Кто-то другой, возможно, обрадовался бы многочисленным сериалам-боевикам, идущим по разным каналам. Но гадалка их не просто не любила, она испытывала подлинное чувство отвращения при одном упоминании о нескончаемой серии убийств, расстрелов, взрывов и тому подобного.

Недолго пронаблюдав за проделками ловкого и находчивого диснеевского Вудди, Яна незаметно для самой себя вновь обратилась к размышлениям о деле Валерии Вершининой. На экране во всю хохотал победивший врагов мультгерой, а гадалка смотрела в телевизор, но ничего этого не видела и не слышала, не осознавала.

Кофе уже не обжигал губ, он возбуждал, волновал кровь, воображение и мышление. Карты лежали рядом, на журнальном столике. Милославская протянула руку и взяла колоду. Она машинально стала перетасовывать ее, думая, какой из карт лучше воспользоваться на этот раз.

Пока все было слишком неясно и непредсказуемо, и поэтому Яна остановила свой выбор на столь же непредсказуемой карте, информация от которой всегда была непонятной – «Джокере». Милославская еще называла эту карту «Сюрпризом», что говорило само за себя. «Джо-

кер» всегда удивлял гадалку, он давал информацию, на первый взгляд, не поддающуюся расшифровке, но потом обязательно выяснялась решающая роль этого видения в разгадке преступления.

Яна бережно взяла «Сюрприз» и положила его отдельно от колоды, на журнальный столик. Затем она накрыла «Джокер» своей ладонью. Так гадалка делала всегда, независимо от того, с какой картой она работала. Постепенно в ладони должно было начинаться чувствоваться тепло, и если это происходило, то в ближайшее время оно переходило в какое-нибудь видение. Однако нередко случалось и так, что ладонь желанного тепла почувствовать не могла, как бы экстрасенс этого не хотела. Тогда приходилось откладывать колоду в сторону до следующего, более благополучного случая.

Каждый сеанс гадания, даже неудавшийся, отнимал у Милославской море сил, поэтому она не могла использовать две карты подряд. Единственным исключением являлся «Джокер», и в этом был его несомненный плюс. Работая с «Джокером», гадалка всегда могла повторить неудавшуюся попытку, еще раз приложив руку к «Сюрпризу».

Поэтому действия гадалки на этот раз ни в чем не отличались от обычных. Чтобы лучше расслабиться, она прислонилась к спинке кресла, запрокинула на нее голову и закрыла глаза. Теперь нужно было приложить все усилия для того, чтобы сосредоточиться. А сосредоточиться следовало не только мысленно: для работы с картой требовалась прежде всего концентрация энергии и тех сил, которые были даны гадалке свыше.

Постепенно Милославская все глубже и глубже уходила в себя. Она даже перестала слышать телевизор, который забыла выключить. И вот, спустя пять, или немногим более, минут, в кончиках пальцев почувствовалось долгожданное покалывание, быстро перешедшее в ощущение тепла. Тепло шло по ладони нежной непрерывной волной, способствующей расслаблению и вместе с тем сосредоточению на этом тепле всего Яниного тела.

Вдруг искрящаяся мгла, стоящая в закрытых глазах, рассеялась, сменив собою картину, напоминающую реальность. Милославская сначала смутно увидела очертания непонятого предмета, но вскоре поняла, что этот предмет – телефон. Аппарат был серого цвета, глянцево-сверкающий, будто бы совершенно новый или натертый заботливой рукой до сияния. Гадалка ожидала развития действий: она предполагала, что сейчас кто-то начнет звонить по телефону, что удастся увидеть лицо какого-либо человека или по меньшей мере запомнить номер телефона адресата. Однако все ее предположения оказались ошибочными. Картина не двигалась с места, и в ее центре продолжал оставаться только телефон.

Экстрасенс стала внимательно присматриваться к каждой его детали, надеясь увидеть что-то особенное, наводящее на размышления. Но и эти попытки являлись тщетными. Так видение само собой стало угасать. Банальный и в то же время загадочный предмет обихода продолжал оставаться единственным, что «показал» гадалке «Джокер».

Яна уже чувствовала себя вернувшейся к реальности, но она по-прежнему не открывала глаз. «Что бы это могло значить?» – этот вопрос настойчиво терзал сознание Милославской. Однако, ответа на него не находилось. Все возможные варианты разгадок видения, приходящие в голову, были настолько несостоятельными, что Яна брезгливо морщилась, подумав о них.

Гадалка испытывала гнетущее чувство неудовлетворения проделанной работой, поэтому успокоиться на этом не могла. Она поднялась с кресла и стала прохаживаться по комнате взад и вперед, размышляя вслух. Ей казалось, что так проще соблюдать логику в соображениях. Однако, каждая мысль заканчивалась фразой: «Какая чушь!» или чем-то вроде этого.

Яна подошла к окну, слегка отодвинула тюлевую занавеску, искусно расшитую белыми шелковыми узорами, и стала отрешенно смотреть вдаль, продолжая мысленно анализировать недавнее видение. Но и эта попытка не увенчалась успехом – никакой мысли, за которую можно было бы зацепиться, у нее не возникало.

Вдруг ее осенило – она использовала «Джокер», а это давало ей шанс на его повторное применение. На самом деле, отчаявшись найти ответ на главный в данный момент вопрос, Милославская и не осознала, что в ее организме еще достаточно сил, необходимых для работы с картами.

Резко отвернувшись от окна, экстрасенс направилась к креслу, на котором лежал «Джокер», взяла его и, полная надежд, плюхнулась на диван, стоящий рядом. На этой карте изображался полумесяц, выпускающий воздушную струйку на колокольчик, болтающийся на его собственном кончике.

Почувствовав, что это положение не слишком удобно, гадалка уже закрыв глаза, вытянула ноги, под голову сунула маленькую плюшевую думочку, руки положила вдоль туловища и приготовилась к таинственному сеансу. Ладонь ее накрывала карту, поэтому Яна целиком и полностью сосредоточилась на всем, что ей было известно о случившемся с Вершининой. Конкретного вопроса она не формулировала, так как видения от «Джокера» никогда не зависели от заданного ему вопроса. Гадалка просто спокойно перебирала в мыслях известные ей факты, одновременно думая о том, что все неизвестное обязательно нужно прояснить.

Поначалу Милославская ничего, предвещающего наступление видения, не чувствовала. Но, тем не менее, спустя некоторое время ладонь все-таки окутало приятное тепло. Рядом тикали часы, и в абсолютной тишине звуки, производимые ими, казались очень громкими. Шли минуты, однако, темнота в глазах не сменялась никаким видением. Яна попыталась отключиться от всех посторонних ощущений. Постепенно она перестала чувствовать даже собственное тело. Казалось, состояние, в котором она находится – невесомость. И вот в этой темноте, где-то далеко-далеко, послышалось жужжание. Видения гадалки редко сопровождалась звуками, поэтому она насторожилась. Милославская предположить не могла, чего от него следует ожидать и что он вообще значит.

Между тем звук усиливался, и через пару минут экстрасенс поняла, что это далеко не жужжание. Теперь оно больше напоминало позвякивание, а вскоре стало совсем ясно – слышался телефонный звонок. Это немало удивило Яну. «Джокер» второй раз попытался подвести ее к какому-то одному выводу, а значит аппарат, представший перед ней в прошлом видении, не был случайным и бессмысленным. Телефон прозвонил несколько раз, достаточно громко и отрывисто, затем все потухло. Потухли необъяснимые ощущения, возникающие всегда во время гадания, и Милославская открыла глаза. Она чувствовала не только необыкновенную усталость во всем теле, но и какую-то опустошенность, принесенную видением.

Яна привстала. Голова слегка закружилась, но гадалка понимала, что сейчас не время для расслабления. Напротив, вопреки всему надо принять решение, касающееся дальнейших шагов расследования.

– Что же ты мне подсказываешь, «Джокер»? – проговорила экстрасенс. – К чему подталкиваешь?

Милославская посмотрела на свой телефонный аппарат и вновь, только уже более серьезно, стала размышлять над возможными вариантами развития событий. Возле телефона лежала домашняя потрепанная записная книжка. Яна вдруг встала и необыкновенно возбужденно воскликнула:

– Как же я об этом сразу не подумала! Хотя... Может быть, опять ошибаюсь? Тем не менее, я должна все проверить!

Гадалке просто-напросто пришла мысль о том, что, возможно, печальные события, произошедшие с Валерией и Ириной, повлек за собой какой-либо важный разговор, состоявшийся недавно по телефону между подругами и их неизвестным пока знакомым. Это могло также быть случайное телефонное знакомство и последовавшая за ним встреча, увенчавшаяся трагическим финалом. Подобных вариантов в сознании Яны было несколько. Она не стала раздумывать сейчас над тем, какой из них более правдоподобен, так как главным в ее недавно возник-

шем плане на данный момент являлась работа с записными книжками девушек. Милославская надеялась, пролистав их, найти какую-нибудь более или менее существенную зацепку.

Действия следовало начинать как можно скорее, поскольку результаты любого промедления могли оказаться плачевными. Яна вспомнила встречу с Валерией. Мысль о том, что сегодня ей придется еще раз пережить уже испытанное щемящее душу чувство, была более, чем неприятна. Однако, сложилась ситуация, не терпящая возражений, поэтому выбирать не приходилось.

– Ну и дене-ок! – протянула гадалка, покачивая головой. – Сегодня я похожа на бумеранг, отправляющийся вперед и возвращающийся обратно!

В комнату вошла Джемма, которая все это время, наверное, дремала в одной из других комнат.

– Да, Джемма? – обратилась к любимице Яна. – Сколько я раз сегодня ездила в город?

Джемма непонимающе смотрела на Милославскую, пытаясь догадаться, чего от нее хотят. Затем собака подошла вплотную к хозяйке и стала ласково тереться о ее ноги.

– И тобой-то некогда заняться, – по-детски выпятив губы, протянула гадалка, – идем погуляем?

Эта фраза, по-видимому, Джемме была понятна как никакая другая, потому что она стремглав бросилась к порогу и, толкнув передними лапами незапертую дверь, распахнула ее. Она стала, как оголтелая, носится из одного угла двора в другой, ненародуясь предоставившейся свободе. Яна со счастливой улыбкой наблюдала за собакой, которой она сегодня, на самом деле, практически не уделяла внимания. Джемма между тем, немного опомнившись, подбежала к калитке и стала с тоской смотреть на нее, давая хозяйке понять, что нуждается в более просторной территории для выгула.

– А знаешь что? – произнесла гадалка, окликнув Джемму. – Наверное, я возьму тебя с собой в город!

Овчарка начала радостно поскуливать, энергично виляя хвостом и с благодарностью глядя на Милославскую.

– Только тебе сначала надо подкрепиться. Чаппи!

Последнее слово подействовало на Джемму, как магическое заклинание, и она пулей бросилась обратно в дом, откуда скоро принесла хрустящий пакет с собачьим кормом.

– Нет-нет! Идем к миске!

Собака подчинилась. Пока она ела, Милославская привела себя в порядок и была готова к очередному путешествию в Октябрьский район города. Конечно, она намеревалась взять с собой Джемму не только по причине необходимости как следует ее выгулять. Возвращение гадалки вполне могло быть поздним, а вследствие этого небезопасным. По вечерам улица, ведущая к дому Яны, пустовала, к тому же ни один фонарь ее не освещал. Так что сопровождение сильной, смелой и преданной собаки здесь не являлась лишним.

Как только Милославская открыла калитку, овчарка кинулась вперед. Яне же пришлось идти довольно медленно, поскольку пологая в начале улицы дорога неподалеку от дома гадалки начинала круто забирать вверх, и подниматься по ней было довольно тяжело, а спускаться неудобно. Мелкий щебень, попадавшийся кое-где, временами начинал осыпаться, выскальзывал из-под ног, и порой в этот момент удержаться на ногах оказывалось невозможным.

Яна переступала потихоньку с ноги на ногу и думала о том, к кому же ей сначала отправиться. Посещение только Вершининой было бы неоправданным, поскольку вполне могло оказаться, что важная информация находится в блокноте Ирины Черненко. И хотя вновь появиться на пороге Валерии представлялось Яне как нечто малоприятное, прийти к родителям погибшей девушки с расспросами значило бы проявить настоящее кошунство. Тщательно взвесив все «за» и «против», гадалка решила поехать к Вершининой, надеясь на этот раз застать дома Наталью Евгеньевну и воспользоваться ее помощью в сближении с семьей Чер-

ненко. В конце концов, последние просто могли не знать о Янином участии в расследовании и наотрез отказаться беседовать с ней.

Погруженная в раздумья, Яна и не заметила, как достигла более или менее оживленной дороги, на которой, хотя и не с первой попытки, но все же можно было поймать такси. Она стала голосовать, но водители, очевидно, ошеломленные видом огромной собаки, прибавив скорость, пролетали мимо. Тогда Милославская выпустила из рук поводок. Джемма сразу же кинулась в сторону, обрадованная вновь предоставившемуся шансу насладиться свободой. Гадалка махнула рукой перед новенькой сверкающей «девяносто девятой», и она сразу же остановилась.

– До Токмаковской довезете? – вежливо спросила Яна.

– А где это? – развязно произнес водитель.

– В Октябрьском, – Милославская отрешенно вздохнула.

– Семьдесят, – тоном, не терпящим возражений, ответил мужчина и равнодушно зевнул.

– Джемма! – громко позвала Милославская.

Собака сразу же отозвалась и в один момент запрыгнула в машину.

– Э-э-э-э! К-куда это? Убери свою вшивую псину!

Джемма весьма бурно отреагировала на эту фразу, разразившись оглушительным хриплым лаем.

– Да она чистая. И вообще спокойная, – виновато объяснялась Яна, но ее слов за лаем практически не было слышно.

Водитель же, перепуганный поведением собаки, нажал на газ, и машина резко рванула с места.

– Понимает все, сволочь! – недовольно пробурчал он себе под нос.

На самом деле, конечно, Джемма просто-напросто уловила интонацию, которая по ее мнению могла таить в себе опасность для Милославской, и принялась активно предупреждать потенциального обидчика своей хозяйки. Яна же, видя, что мужчина смирился, дернула собаку за ошейник, заставляя ее успокоиться. Раздосадованный водитель гнал во всю мощь, но гадалке это было только на руку – нужного места она достигла очень быстро.

– Возьмите, – протянула она шоферу договоренную сумму.

– А за моральный ущерб? За пуделя твоего платить кто будет? – выпучив глаза, брызгая слюнями, ответил тот.

– Разве это положено? – как всегда сдержанно и вежливо произнесла Милославская.

– Па-а-ло-о-жено! – заорал доведенный до бешенства спокойствием женщины злополучный колымщик.

Джемма в этот момент уже успела обежать машину и, просунув морду в открытое водительское окно, рывкнула ошалевшему мужику прямо в ухо. Тот от неожиданности вытянулся в струну и вплотную прижался к сиденью.

– Джемма! – позвала Яна. – Ко мне!

Собака посмотрела на хозяйку и, видя ее широкую улыбку, которую та не могла сдержать, глядя на побелевшего мужчину, отошла от окна. Как только она это сделала, «девяносто девятая» со скрипом колес дернулась с места и полетела вперед с явным превышением положенной скорости. Тот, кто имел несчастье поравняться с удаляющейся машиной, слышал отборный мат, исходящий из уст водителя, наверное, до самого конца этого невеселого для него дня.

* * *

– Добрый вечер, Наталья Евгеньевна, можно? – учтиво произнесла Милославская, как только открылась дверь квартиры Вершининых, и перед ней предстала мать Валерии.

– Вы? – удивленно протянула та.

– Я. А что, не ждали?

– Да нет. Неожиданно как-то... Что же вы стоите, проходите, проходите скорее!

– Да я, знаете ли, не одна. Вот, это Джемма, – Яна указала рукой на высунувшую из-за двери голову собаку.

– Ничего страшного, – подумав, ответила Вершинина, хотя по ее виду нетрудно было догадаться, что присутствие овчарки доставляет ей мало удовольствия.

Милославская переступила порог, потянув за поводок Джемму.

– Сидеть! – приказала она ей и последовала за хозяйкой.

– Ну что, Яна Борисовна? – спросила Наталья Евгеньевна, поправляя заколотые шпильками густые светло-русые волосы. – Есть что-то новое?

– Как вам сказать... – задумчиво произнесла гадалка, усаживаясь по жестовому приглашению Вершининой в старинное плетеное кресло-качалку. – А что, ваша дочь ничего обо мне не сказала?

– Н-нет, а что? – удивленно произнесла Наталья Евгеньевна и вслед за этими словами перешла на шепот. – Она сегодня из комнаты своей даже не выходит. Закрылась и сидит. Я уж не беспокою, сами понимаете, какая у нее теперь депрессия. Я ей и яблочков, и апельсинчиков, и того, и другого, но ничто ее не радует, – в глазах женщины заблестели слезы.

– Я сегодня приходила, Наталья Евгеньевна, – начала Яна, чтобы побыстрее отвлечь Вершинину от этих мыслей.

– Да? У вас новости? – оживилась женщина.

– Нет. Просто хотела поговорить с Валерией, познакомиться, узнать, не вспомнила ли она чего.

– Яна Борисовна-а! Я же вам говорила: это уже несколько раз делали и милиционеры, и психотерапевт. Неужели и вы способны только на это? Скажите, неужели у нас нет надежды? – женщина не могла скрыть ноток раздражения в своем голосе.

– Надежды никогда нельзя терять. У меня есть факт, дающий толчок дальнейшим действиям.

– Что за факт?

– Произошедшее с вашей дочерью как-то связано с телефонным разговором.

– Да? Откуда вам это известно?

Милославская вкратце, не вдаваясь в подробности, поведала женщине о двух гаданиях, которые настойчиво, хотя и завуалированно, сообщали ей об одном и том же. Вершинина была удивлена. Ничего подозрительного в телефонных разговорах дочери и даже в ее поведении, предшествующем трагедии, она не замечала.

– У меня есть предложение, вернее убедительная просьба, – покачиваясь в кресле, произнесла гадалка.

– Какое?

– Может быть, это покажется вам нескромным, но мне нужно просмотреть записную книжку вашей дочери. Я должна проверить всех адресатов.

– Не зна...

В этот момент дверь соседней смежной комнаты открылась, и из нее вышла Валерия. Она была так же бледна, волосы ее растрепались, запутались, очевидно, от долгого пребывания в постели.

– Пожалуйста, – сказала она и протянула Милославской маленький блокнотик в кожаном переплете темно-бордового цвета, – невольно я подслушала ваш разговор. Возьмите блокнот. Только пусть мама обо всем рассказывает, она прекрасно знает всех моих друзей.

Дверь также неожиданно закрылась, как и открылась, и девушка исчезла за ней. Впрочем, Яна не сочла это за невежливость, так как поведение Валерии было вполне объяснимыми

и понятным. Главное – она сделала шаг к сотрудничеству, и это являлось первой удачей на начатом пути.

Гадалка, сразу принявшая записную книжку, молча стояла у двери комнаты.

– Вот видите, – прошептала Наталья Евгеньевна.

– Ничего, все нормально.

– Я боялась, что она будет против. А перечить ей сейчас я не в силах.

– Понимаю, – гадалка немного помолчала и продолжила: – Ну что ж, за работу?

– Идемте на кухню, за чаем и поговорим, – Вершинина встала и стараясь ступать как можно мягче отправилась на кухню.

Последовала за ней и Милославская. Кухня у Вершининых была маленькая. На ней всего-то и умещалось небольшой квадратный обеденный столик, две табуретки да вдоль стены пара шкафов. Наталья Евгеньевна, полная и неповоротливая, с трудом протиснулась между обеденным столом и одним из шкафов и со вздохом облегчения села. Затем она стала сидя разливать чай, который, по-видимому, ею был недавно вскипячен и еще не остыл.

Милославская в это время уже просматривала блокнот Валерии. Он содержал не так уж и много записей, поэтому работа над ними должна была уложиться в оставшиеся часы этого вечера. Некоторые адреса, по всей видимости, девушка внесла в свою книжку уже давно. Гадалка заметила это без особого труда, так как свежие пометки по цвету пасты ручки, нажиму и прочим нюансам заметно отличались от тех, которые Вершинина сделала ранее или очень давно. Многие из последних она, вероятно, за ненужностью вычеркнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.